

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЛАТВИИ К РОССИИ

Я. Я. Зугис

Одним из наиболее важных вопросов истории народов СССР является вопрос об оценке исторического значения объединения их в едином Российском государстве. Латышские, украинские, белорусские и другие буржуазные националисты, фальсифицируя факты, утверждают, будто присоединение к России нерусских народов имело для них отрицательное значение. Немало потрудился в этом направлении латышский буржуазный националист А. Швабе, ныне эмигрант. В своих книгах, учебниках и газетных статьях он выступает в роли наймита западных империалистов, выполняющего их задание оклеветать прошлое латышского и русского народов. От Швабе не отстают и другие латышские буржуазные националисты (Ф. Балод, А. Тентелис), повторяющие обычно домыслы прибалтийских немецких дворянских историков и публицистов.

Анализ исторической действительности показывает, что присоединение отдельных народов к многонациональному Русскому государству было явлением глубоко прогрессивным.

Присоединение территории латышской народности к России произошло в XVIII в., то есть в период разложения и распада феодально-крепостнического строя. Естественно, что все явления этого исторического периода, в частности и присоединение Восточной Прибалтики к России, должны расцениваться с точки зрения того, насколько они способствовали зарождению и развитию капиталистического способа производства. Основным критерием, как всегда, остается влияние на дальнейший рост производительных сил, но, оценивая присоединение к России как исторически прогрессивное явление, историк не может игнорировать также и надстроечные явления, подвергшиеся после присоединения могучему воздействию русской культуры — русской прогрессивной общественной мысли, литературы, науки и искусства. При этом следует иметь в виду, что прогрессивная роль капиталистического способа производства исторически ограничена ликвидацией феодальных производственных отношений и подготовкой экономических и политических условий для победы пролетарской социалистической революции.

После присоединения к России начинается совместная с русским народом борьба против социального и национального гнета, в результате которой коренным образом меняется судьба латышского народа. Присоединение территории, населяемой латышским народом, было подготовлено всей предшествующей историей как русского, так и прибалтийских народов, обусловлено многовековым развитием экономических, политических и культурных связей народов Восточной Прибалтики с великим русским народом.

По данным археологии и лингвистики, экономические и культурные связи латышского народа с великим русским народом восходят к глубокой древности, балтийские и славянские языки имеют между собой несомненное родство. С образованием Киевского государства значительная часть территории Восточной Прибалтики вошла в его состав. Богатая

социально-политическая терминология, перешедшая в латышский язык из древнерусского языка в период IX—XII вв., показывает, что именно в составе Киевского государства латышские племена впервые познакомились с феодальной государственностью. Накануне немецкой агрессии значительная часть территории Латвии входила в состав Полоцкого княжества или же находилась в политической зависимости от Пскова. Совместная борьба русских и прибалтийских народов против немецких захватчиков в XIII в. еще больше скрепила их историческую дружбу. С победами русских войск латышский народ связывал свои надежды на избавление от иноземного ига. Восстания эстонских и латышских крестьян во время Ливонской и других войн наносили тяжелые удары немецким, польским и шведским завоевателям.

Основным экономическим фактором сближения Восточной Прибалтики с Россией были их многовековые торговые связи. Рига являлась одним из центров транзитной торговли между Западной Европой и русскими городами в период господства немецких завоевателей. Торговая жизнь Риги всецело зависела от подвоза русских, белорусских и литовских товаров. Каждый раз, когда из-за военных действий или вследствие политики Ордена, — а впоследствии польских и шведских завоевателей, — хотя бы на время прекращался подвоз товаров из России, торговля Риги с Западной Европой катастрофически сокращалась. Экономическая необходимость присоединения Риги к России стала особенно остро ощущаться в период разложения феодально-крепостнического хозяйства, когда усилилась торговля между Россией и Западной Европой. Экономическое развитие Риги и Латвии было немыслимо в отрыве от всероссийского рынка.

Восточная Прибалтика, занимающая ключевые позиции на юго-восточных подступах к Балтийскому морю, издавна служила объектом напряженной борьбы между соседними государствами, претендовавшими на торговое и военное господство на Балтийском море. Общественное разделение труда в феодальном обществе — отделение ремесла от земледелия — послужило основанием для развития городов и способствовало усилению внутренней и внешней торговли. В XVI—XVII вв. особенно усилилась балтийская торговля, в которой были жизненно заинтересованы все страны Восточной и Западной Европы. В связи с этим уже в XVI в. балтийский вопрос приобрел общеевропейское значение. Во второй половине XVI в. в дипломатической и военной борьбе за Ливонию (так в средние века называлась территория Латвии и Эстонии) участвовали Русское государство, Литва, Польша, Швеция, Дания, а также империя австрийских Габсбургов и Бранденбург. В борьбу за Балтику включались и так называемые морские державы — Голландия и Англия¹.

Борьба за господство на Балтийском море приводила к продолжительным и опустошительным войнам. Так, четверть века продолжалась Ливонская война (1558—1582), с 1600 г. по 1629 г. длилась польско-шведская война. Продолжительное хозяйничанье шведской и польской военной, голод и эпидемии в начале XVII в. привели к гибели большой части латышского народа². Новыми бедствиями для латышского народа сопровождалась Тридцатилетняя война в Германии (1618—1648). Правда, попытка распространения военных действий на шведскую Лифляндию ограничилась лишь незначительным военным эпизодом — вторжением четырехтысячного отряда полковника Бота в 1638 году. Но именно через Восточную Прибалтику проходили основные линии военных коммуникаций шведской армии; Латвия и Эстония являлись также главной базой снабжения шведских войск.

¹ См. Я. Зутис. Ливонская война. Рига. 1949 (на латышском языке); его же. К вопросу о ливонской политике Ивана IV. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. IX, № 2. 1952.

² Я. Зутис. Латвия как объект борьбы между Польшей и Швецией. Рига. 1949 (на латышском языке).

В 50-х годах XVII в. территория Латвии вновь стала ареной военных действий во время русско-польской (1654—1667), шведско-польской (1655—1660) и шведско-русской (1656—1658) войн. Тяжелым бременем для латышских и эстонских крестьян было участие Швеции, в качестве союзницы Франции, в войне против Бранденбурга в 1675—1679 годах. Во время этой войны усилилась эксплуатация подвластных Швеции латышских крестьян³. Так небольшая территория Латвии превратилась в постоянный двор на большой военной дороге, по которой приходили и уходили завоеватели, оставляя за собой разрушенные города и опустошенные деревни.

Занятая латышским народом территория разрывалась на части и перекраивалась по усмотрению победителей. Так, например, к концу Ливонской войны Латвия оказалась раздробленной на следующие части: 1) Лифляндия, или Видземе, вошедшая в состав Речи Посполитой, 2) Курляндское герцогство, находившееся в вассальной зависимости от Польши, 3) бывшее Курляндское епископство, или Пилтенская область, которой до 1585 г. владела Дания, 4) Гробинская область с Лиенау (Либавой), отданная под залог прусскому герцогу, 5) владения барона фон дер Рекке, отказавшегося подчиниться власти курляндского герцогства, и 6) Рига с прилегающей к ней территорией, с 1561 по 1582 г. существовавшая в качестве самостоятельного политического образования, а потом подчинившаяся власти польских королей. Еще больше усилилась политическая раздробленность латышского народа в результате шведско-польской войны в начале XVII века. Лифляндия (Видземе) была в 1629 г. дополнительно поделена на шведскую и польскую Лифляндию, которая потом стала называться Латгалией. Военные опустошения и произвольное дробление территории угрожали самому существованию латышского народа. Под гнетом иноземных завоевателей, в условиях жестокой колониальной эксплуатации, население разрозненных частей Латвии начало обособляться в языковом, культурном и религиозном отношении. Со временем образовался особый латгальский диалект, отличный от языка латышского населения шведской Лифляндии.

Таким образом, накануне присоединения к России у латышского народа отсутствовала общность территории, являющаяся, как известно, одним из основных условий для образования буржуазной нации. Присоединение к России спасло население Латвии от физического истребления и бесконечных войн и создало необходимые предпосылки для образования латышской буржуазной нации.

Присоединение территории латышского народа к Российской империи явилось переломным моментом в его истории. Это присоединение осуществлялось постепенно. По Ништадтскому мирному договору, в 1721 г. в состав Российской империи вошла северная часть Латвии (Видземе) с городом Ригой; по первому разделу Польши в 1772 г. к России была присоединена Латгалия; по договору 1783 г. о торговле и границах Курляндское герцогство уступило России часть территории между рекой Лиелупе и Рижским заливом с местечком Слока, и, наконец, в 1795 г. произошло присоединение Курляндского герцогства и Пилтенской области. Таким образом, к концу XVIII в. закончилось воссоединение территории латышского народа как составной части Российской империи. Была ликвидирована многовековая политическая раздробленность, ставшая непреодолимым препятствием на пути дальнейшего развития латышского народа и образования латышской буржуазной нации.

Положительное значение присоединения к России прежде всего сказалось на росте торговли приморских городов Восточной Прибалтики. В торговом отношении больше всех остальных городов на Балтийском море выиграла Рига. По окончании Северной войны русское правитель-

³ «История Латвийской ССР». Т. I. Рига. 1952, стр. 273—287, 296.

ство подарило городу десять торговых кораблей и всемерно оказывало поддержку развитию кораблестроения. В год заключения мира (1721) Ригу посетило 238, а в 1740 г. — 597 кораблей. По внешнеторговым оборотам Рига заняла первое место после Петербурга. Число кораблей, посещавших Рижскую гавань, к концу XVIII в. достигло одной тысячи, то есть в два раза больше, чем в конце XVII века. В первые шесть лет XIX в. Рижскую гавань посещали ежегодно в среднем 1 500 кораблей; в 1805 г. количество кораблей, посетивших Рижскую гавань, превысило 2 тыс.⁴

Рижская торговля играла большую роль в экономической жизни России. К концу XVIII в., когда обширный торговый район города Риги целиком был включен в состав России, отпали политические преграды, мешавшие развитию рижской торговли и более тесному экономическому сближению Восточной Прибалтики с Россией. Например, еще в XVIII в. из-за многочисленных польских таможен на Западной Двине при провозе некоторых товаров до Риги их стоимость намного увеличивалась. В продолжение всей первой половины XIX в. неуклонно росли внешнеторговые обороты Риги. В 1802 г. через Ригу было вывезено и ввезено товаров на общую сумму 10,4 млн. руб. серебром, а в 1860 г. — на сумму 34,7 млн., то есть на 333,6% больше. Прирост внешнеторговых оборотов Риги стал еще большим после окончательной победы капиталистического способа производства. В 1860 г. товарооборот Рижского порта составлял 34,7 млн. руб. серебром, а в 1913 г. достиг высшего уровня — 409,4 млн. руб. серебром⁵. Наиболее бурный период развития рижской торговли начинается с 1896 года. В начале XX в. по своим внешнеторговым оборотам Рига стала обгонять Петербург. Так, в 1913 г. внешнеторговые обороты Риги составляли 409,4 млн. руб. серебром, или 24,5% внешнеторговых оборотов России, а на долю Петербурга и Кронштадта приходилось лишь 332,1 млн. руб., или 14%.

После присоединения к России усилилась торговля и других городов Латвии. Вентспилс (Виндава) до присоединения к России влачил жалкое существование захудалого уездного городка, а в 1913 г. внешнеторговые обороты его составляли 93,4 млн. рублей. Экспорт и импорт товаров через Лиепая в 1913 г. составлял 82,2 млн. рублей. На долю Вентспилса и Лиепай, вместе взятых, в 1912 г. приходилось 10,2% внешнеторговых оборотов России⁶.

Включение в состав всероссийского рынка оказало решающее влияние на рост капиталистической промышленности в городах Восточной Прибалтики. К концу XIX в. Латвия стала одним из развитых промышленных районов царской России. Накануне первой мировой войны в Риге насчитывалось 88 тыс. промышленных рабочих, а общая стоимость промышленной продукции составляла 220,3 млн. рублей. На территории Латвии в 1913 г. было 703 фабрики и завода с общим числом рабочих 108,5 тыс.⁷ Капиталистическая промышленность Латвии сбывала свои товары главным образом во внутренние губернии России. Железнодорожные линии связывали промышленные города Латвии с самыми отдаленными рынками сбыта. Поток товаров из Риги направлялся в Белоруссию, на Украину, в Поволжье и Сибирь. В 60-х годах XIX в. из Риги ежегодно по железным дорогам перевозилось 6 млн. пудов груза, в 1913 г. — 54,9 млн. пудов (в том числе машин и запасных частей к ним — 29 тыс. пудов в 60-х годах и 4 271 тыс. пудов — в 1913 г.). На местном же прибалтийском рынке сбывалось не более 26% промышленной продукции

⁴ «Rigasche Stadtblätter». 1853, № 3, S. 18—22.

⁵ «Latvju tautsaimnicks», № 1/2, p. 36—37.

⁶ B. Gernet. Die Entwicklung des Rigaer Handels und Verkehrs im Laufe der letzten 50 Jahre. Jena. 1919, S. 17.

⁷ Л. В. Стародубский. Статистика буржуазной Латвии на службе реакции. Рига. 1953, стр. 14.

латвийских заводов и фабрик. Накануне первой мировой войны в экономической жизни России видное место занимали следующие отрасли рижской промышленности: изделия химической промышленности — краски, дубильные вещества, каретная мазь, химические удобрения, а также стекло, фаянсовая и фарфоровая посуда, изделия резиновой и текстильной промышленности, вагоны, машины, бумага и толь, табачные изделия, цемент, мыло, спиртные напитки⁸.

Присоединение к России способствовало развитию экономики Латвии, ставшей неотъемлемой частью обширного всероссийского рынка. Город Рига окончательно стал экономическим, а со временем и культурным центром латышского народа. Присоединение содействовало росту производительных сил как России в целом, так и Восточной Прибалтики. Даже латышские буржуазные националисты не могут отрицать, что для экономического развития Латвии присоединение к России имело самые благоприятные последствия⁹. Главное состояло в том, что присоединение Прибалтики к России содействовало вызреванию в недрах феодального общества новых, капиталистических отношений и значительно ускорило победу капиталистического способа производства.

Наряду с этим существовала и другая, отрицательная сторона — «военно-феодальные» методы царизма, его политика национально-колониального угнетения народов, его ориентация на феодально-реакционные элементы, тормозившие рост производительных сил, экономическое и культурное развитие народов. Присоединение Латвии к России не было осуществлено путем насилия над латышским народом, который с XIII в. находился под властью иноземных завоевателей. Но после присоединения царизм действовал в Латвии теми же насильственными средствами, что и в других национальных районах страны. Он опирался на самые реакционные местные феодальные элементы¹⁰. После присоединения к России латышские и эстонские крестьяне продолжали оставаться под властью прибалтийских немецких баронов, которые сохранили все свои сословные привилегии, обеспечившие им возможность самой жестокой эксплуатации крестьян. Экономический подъем, наступивший после присоединения к России, помещики использовали для усиления производства продуктов сельского хозяйства на продажу. Увеличение производства хлеба, льна, водки вызвало усиление барщины для крепостных крестьян.

Сословные привилегии немецких баронов, бесправие и беспощадная эксплуатация крепостных крестьян существовали задолго до присоединения Латвии к России, и самое присоединение не внесло во все это ничего принципиально нового. Процесс разложения феодализма и переход к капиталистическому способу производства во всех странах Восточной Европы сопровождался усилением эксплуатации крестьянства и ухудшением его экономического и правового положения. Ф. Энгельс отмечал, что «капиталистический период оповестил на селе о своем пришествии в форме крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»¹¹. Хотя Энгельс имеет в виду Германию, но это положение в равной мере относится и к Польше, Восточной Прибалтике и ко всем странам Восточной Европы, независимо от их государственной принадлежности.

С присоединением к России латышские крепостные крестьяне обрели себе надежного союзника в лице многомиллионной массы русских крестьян. В период разложения крепостничества крестьянские волнения в России и в Латвии приняли огромный размах. Как и раньше, классовая борьба крепостных крестьян носила стихийный и неорганизованный ха-

⁸ В. Gernet. Указ. соч., стр. 108—111.

⁹ Л. В. Стародубский. Указ. соч., стр. 14.

¹⁰ Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига. 1946, стр. 92—94, 113—116, 127—128, 182—183.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 642.

ракти. При отсутствии пролетариата крестьяне не имели надежного союзника и гегемона. Но даже разрозненные выступления крепостных представляли огромную революционную силу, направленную против феодализма, крепостнического строя. В совместной борьбе против общих врагов — царизма и помещиков-крепостников — росла и крепла дружба русских и латышских трудящихся масс. Русский народ стал союзником, другом и защитником латышского народа в борьбе за социальное и национальное освобождение¹².

В революционно-освободительной борьбе против царизма и крепостничества, развернувшейся в первой половине XIX в., участвовали как латышский, так и все другие народы России. В этой совместной борьбе ведущая роль принадлежала великому русскому народу. На борьбу против царизма и крепостничества выступили Радищев, декабристы, русские революционные демократы — Герцен, Белинский, Добролюбов и Чернышевский. Их революционные идеи сделались достоянием передовой интеллигенции всех народов, в том числе и латышского народа. Декабрист Пестель, революционные демократы Герцен, Огарев, Чернышевский и другие обращали внимание передовой русской общественности на невыносимо тяжелое положение крестьян прибалтийских губерний и внимательно следили за развитием крестьянского движения в Эстонии и Латвии.

В своей «Русской Правде» П. И. Пестель вскрыл сущность безземельного освобождения латышских крестьян от крепостной зависимости в 1817—1819 гг. и показал, что латышские крестьяне находятся «в состоянии, гораздо менее благоденственном, нежели крестьяне русские, несмотря на мнимую вольность, им дарованную»¹³. После свержения царизма, по мнению Пестеля, следовало «все меры принять для совершенного и окончательного искоренения остатков феодализма и для приведения положения латышей в согласие с коренными правилами, должествующими служить основанием всякому благому устройству в государстве»¹⁴. Декабрист Н. И. Тургенев, увидев, какие тяжелые последствия имело освобождение крестьян в прибалтийских губерниях, порицал прибалтийских помещиков за ограбление латышских и эстонских крестьян под предлогом ликвидации их личной зависимости. А. И. Герцен и Н. П. Огарев считали аграрные отношения, сложившиеся в прибалтийских губерниях после безземельного освобождения крестьян, наихудшим обманом и ограблением народных масс. Восстание эстонских крестьян в Махтра и волнения латышских крестьян 1858 года встретили сочувствие передовой русской общественности. В ряде статей, помещенных в «Колоколе», А. И. Герцен заклеймил позором режим полукрепостнической эксплуатации и дикого произвола, установленный немецкими баронами и царским самодержавием.

Против пережитков крепостничества в прибалтийских губерниях с наибольшей последовательностью выступал великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский. В нелегальной прокламации «Барским крестьянам» Чернышевский поведал русским крестьянам о печальной жизни латышских крестьян и батраков, «освобожденных» без земли. Последовательно проводя идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых дворянских властей и порядков, Н. Г. Чернышевский на примере неприглядной жизни латышского крестьянина агитировал за вооруженное восстание против царизма.

Оценивая возможности революционного переворота в России, приурочивавшегося к 1861 г., Огарев относил прибалтийские губернии и Ригу к району возможного народного восстания, в котором движущей силой революционного переворота должен был явиться народ, латышские и

¹² См. «История Латвийской ССР». Т. I, стр. 620—621.

¹³ П. И. Пестель. «Русская Правда». СПб. 1906, стр. 42.

¹⁴ Там же, стр. 42—43.

эстонские крестьяне. Для агитации среди крестьян прибалтийских губерний предполагалось использовать русское население Риги, преимущественно преследовавшихся царским правительством раскольников. В этом плане предусматривалось, что после свержения царизма и провозглашения республики создается федеративный союз автономных областей. В основу организации областей Огаревым и Герценом были положены два начала — экономическое и национальное. Прибалтийские губернии, по мнению составителей плана, должны были образовать отдельную Прибалтийскую область, причем немцы обязаны были подчиниться общим требованиям и уступить крестьянам землю за выкуп¹⁵.

Несмотря на свой утопически-заговорщический характер, этот план свидетельствует о том, что русские революционные демократы учитывали особенности аграрных отношений в прибалтийских губерниях и в борьбе за свержение самодержавия стремились установить единство трудящихся всех народов России.

Лучшие представители нарождавшейся латышской интеллигенции воспитывались на славных традициях русских революционных демократов. Студент Петербургского университета Петр Давидович Баллод в начале 60-х годов принимал самое активное участие в революционном движении, организовал нелегальную типографию, распространял прокламации. Баллод был близко связан с Д. Писаревым, но своим идейным руководителем считал Н. Г. Чернышевского, который, в свою очередь, одобрителем относился к молодому латышскому революционеру.

Прогрессивное значение присоединения Латвии к России сказалось и на развитии культуры латышского народа. С присоединением к России латышская культура поднимается на новую ступень, латышский язык обогащается словами, перешедшими из русского языка. Сильное русское влияние проявляется в латышском фольклоре — в народных песнях, сказках, загадках, поговорках и прибаутках. В результате повседневного общения латышского народа с русскими элементы русского влияния сказываются во всех проявлениях народного творчества — в орнаменте, крестьянской одежде, в технике изготовления предметов домашнего обихода.

Немецкие бароны и лютеранские пасторы сознательно чинили всякого рода препятствия изучению латышами русского языка. До середины XIX в. отсутствовали переводы произведений русских писателей на латышский язык. Освободительные идеи передовой русской литературы, русских революционных демократов лишь окольными путями и sporadически доходили до латышских крестьян. Задавленным крепостническим и национальным гнетом, нуждой и темнотой латышским крестьянам всячески мешали пользоваться достижениями культуры великого русского народа. Но все же вопреки реакционной политике царизма, помещиков и капиталистов освободительные идеи русских революционеров проникали в пределы прибалтийских губерний. Нельзя считать простым совпадением или случайностью, что после выхода в свет знаменитой книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.) появилась книга прибалтийско-немецкого публициста Г. Меркеля «Латыши, особливо в Лифляндии в конце философского столетия» (1796 г.), разоблачавшая феодально-крепостнические отношения в Латвии.

Г. Меркель не был революционером и в отличие от А. Н. Радищева не понимал, что крепостное рабство и царское самодержавие неразрывно связаны между собой. Он не призывал к свержению царизма революционным путем, а ограничивался разоблачением ужасов дикого произвола и крепостнической эксплуатации, которым подвергались латышские крестьяне к концу XVIII века. Однако литературная деятельность Г. Меркеля оставила глубокий след в развитии прогрессивной латышской общественной мысли. Г. Меркель — первый прибалтийский публицист, выступивший

¹⁵ «Литературное наследство». Т. 61. Герцен и Огарев. 1953, стр. 471.

за экономическое, политическое и культурное сближение с Россией и русским народом. В своих газетных статьях он предсказывал великое и славное будущее русского народа и России. На сочинениях Г. Меркеля воспитывались идеологи нарождавшейся латышской буржуазии. К. Валдемар, Ю. Аллуан, К. Биезбардис и другие младолатыши продолжали традиции Г. Меркеля, ведя беспощадную борьбу за искоренение остатков крепостничества и за буржуазные реформы. Младолатыши пропагандировали тесное сближение с русским народом, распространяли среди латышской интеллигенции знание русского языка и русской литературы. Они много сделали для приобщения латышского народа к великой сокровищнице русской культуры.

Начиная со второй половины 50-х годов XIX в. из года в год увеличивалось число произведений русской классической литературы, переведенных на латышский язык. Талантливый поэт Ю. Аллуан переводил стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, Г. Р. Державина и В. А. Жуковского, а также русские народные песни. Развивая латышский литературный язык и прокладывая новые пути в латышской поэзии, Ю. Аллуан отказался от подражания немецким образцам и первый пошел на выучку к мастерам русского стихосложения. Младолатыши пропагандировали прогрессивные идеи русской литературы; переводы произведений русских писателей использовались как верное средство борьбы за культурную эмансипацию латышского народа, за освобождение его от духовной опеки со стороны лютеранских пасторов. В 60-х и 70-х годах в латышском переводе появились произведения Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, Н. А. Некрасова, Н. Г. Помяловского и М. Е. Салтыкова-Щедрина. В газетах и сборниках печатались статьи младолатышской о русской культуре, о русских писателях, например, очерки Ф. Бривземниекса о жизни и деятельности М. В. Ломоносова, А. С. Грибоедова, и другие. По цензурным условиям переводчики и издатели часто вынуждены были опускать имя автора. Во второй половине XIX в. под запретом оказались имена Н. Г. Чернышевского и других русских революционных демократов. Без упоминания имени Салтыкова-Щедрина был опубликован на латышском языке сборник его рассказов и сказок. Никакие ухищрения царской цензуры не могли помешать распространению в латышском народе великих освободительных идей передового русского общественного движения и русской литературы.

Цензура латышских книг и периодических изданий, как правило, находилась в руках чиновников из прибалтийских немцев, которые не допускали даже критики местных аграрных порядков и чинили всяческие препятствия сближению латышского народа с русским народом. Младолатыши были вынуждены перенести свою деятельность в Петербург и Москву, где цензурные условия для них оказались более благоприятными. В истории национально-освободительной борьбы латышского народа выдающуюся роль сыграл орган младолатышской «Петербургская газета» («Peterburgas aviza»), выходившая в 1862—1865 годах. После закрытия этой газеты по настоянию прибалтийского немецкого дворянства младолатыши во главе с К. Валдемаром использовали русские периодические издания, выходившие в Петербурге и Москве, а также в провинциальных городах. Без этой поддержки русской печати и русского общественного мнения было бы немислимо освобождение культуры латышского народа из-под опеки прибалтийских баронов и лютеранских пасторов. Латышская интеллигенция, получившая образование в русских университетах, была вынуждена искать работу и средства к существованию за пределами Латвии. В русских городах, на Украине и в других местностях России протекала жизнь и творческая деятельность классиков латышской живописи К. Гуна, Ю. Федерса и др.

Многие представители латышской интеллигенции самостоятельно изучали русский язык и знакомились с русской литературой в подлин-

никах. Во второй половине XIX в. русские книги и периодические издания получили широкое распространение во всей Латвии. Они встречались и в частных библиотеках латышских народных учителей. С каждым годом увеличивалось количество подписчиков на русские периодические издания.росло число подписчиков на журнал «Современник». Еще большее распространение получил журнал «Отечественные записки», который при содействии народных учителей проникал даже в латышскую деревню. В «Отечественных записках» (1867, № 5) были опубликованы также первые русские переводы латышских стихотворений и памфлетов, до этого распространявшихся в рукописных сборниках.

Критические статьи Белинского, Добролюбова и Чернышевского воспитали не одно поколение латышских писателей и публицистов. Эстетические взгляды русских революционных демократов, особенно Н. Г. Чернышевского, пропагандировались в латышских периодических изданиях. Так, например, в газете «Tēviņa» («Отчизна»), выходившей в 1884—1885 гг., была опубликована статья о реализме в литературе. В ней излагались взгляды русских революционных демократов на литературу. В своей программной статье газета «Tēviņa» обещала публиковать материалы, освещающие положение латышского народа и его исторические связи с Россией и русским народом.

Программу, намеченную газетой «Tēviņa», проводила издававшаяся с 1886 г. газета прогрессивной латышской общественности «Dienas Lapa» («Ежедневный листок»). С 1888 г. ее редактором стал один из основателей латышской социал-демократии, П. Стучка, а с 1891 г. — народный поэт Я. Райнис. «Dienas Lapa» широко пропагандировала классическую русскую литературу и впервые познакомила латышского читателя с произведениями великого пролетарского писателя А. М. Горького. В меру цензурных возможностей газета распространяла идеи марксизма, приводила выдержки из произведений Маркса и Энгельса. На ее страницах острой критике подвергались латышские буржуазные националисты и беспощадно разоблачалась реакционная роль лютеранских пасторов и немецких баронов.

В пропаганде классиков русской литературы большую роль сыграл первый латышский литературно-художественный журнал «Ауструмс», («Austrums»), который сначала (с 1885 по 1887 г.) издавался в Москве, а затем в Риге. В журнале печатались переводы произведений Тургенева, Толстого, Гончарова и других русских писателей. Редакция журнала многое сделала для воспитания латышских писателей на принципах переводной русской литературы.

Влияние революционного движения в России, идей русских революционных демократов и русских марксистов на латышский народ лишь в незначительной мере осуществлялось через легальные латышские издания. Трудно, а порою и невозможно выявить все пути и каналы, по которым идеи русских революционеров, русские нелегальные издания, прокламации проникали в среду латышского народа, обогащали его культуру. В конце 80-х годов XIX в. жандармский полковник Прозоровский сообщал, что к русскому революционному движению примкнула значительная часть латышской молодежи. Он считал, что именно в русских университетах латышские студенты познакомились с «ультралиберальными» направлениями как в области литературы, так и в области экономических учений. Настоящей школой революционной теории были русские студенческие кружки в Тартуском университете и Рижском политехническом институте, в которых принимало участие старшее поколение латышских революционных марксистов. Еще более плодотворным в этом отношении было пребывание латышской учащейся молодежи в Петербургском, Московском и других русских университетах.

Капиталистическая промышленность в прибалтийских губерниях развивалась медленнее, чем в промышленных районах Петербурга и Москвы.

В первой четверти XIX в. на территории Латвии и Эстонии появились отдельные предприятия типа капиталистической мануфактуры, а зачатки фабричной промышленности относятся к 30-м и 40-м годам. К первой половине XIX в. относится и зарождение промышленного пролетариата Латвии. Пережитки крепостничества задерживали переход крестьян из латышской деревни на работу в промышленности. До 30-х годов XIX в. в промышленности Латвии преобладали русские рабочие — оброчные крестьяне из нечерноземной полосы России. С 30-х годов начал постепенно складываться и промышленный пролетариат за счет выходцев из латышской деревни, из Литвы и Белоруссии. Во второй половине XIX в., в связи с быстрым подъемом капиталистической промышленности, окончательно вырос и окреп многочисленный промышленный пролетариат Латвии, ставший составной частью российского пролетариата.

Вплоть до 90-х годов XIX в. революционное движение латвийского пролетариата отставало от движения русских рабочих. Но начиная с забастовок 1895 и 1896 гг. и с «Рижского бунта» 1899 г. рабочее движение в Латвии стало нарастать бурными темпами. В годы первой русской революции латвийский пролетариат шел в первых рядах борцов против царского самодержавия.

Решающее значение для развития русского и международного рабочего движения имело основание большевистской партии, марксистской партии нового типа, возглавившей борьбу трудящихся России против царизма и капитализма. В тесной связи с революционным движением в России, под непосредственным влиянием и руководством русских марксистов в 90-х годах XIX в. были основаны первые социал-демократические кружки в Латвии. Весной 1900 г. В. И. Ленин, приехав в Ригу, установил личный контакт с латышскими социал-демократами. Ленинская «Искра» воспитывала и организовала первые кадры революционной латышской социал-демократии. Большую роль в организации латышской социал-демократической рабочей партии сыграла рижская организация русских социал-демократов, возникшая в 1901 году. Объединяя в своих рядах революционных рабочих всех национальностей, РСДРП вела трудящихся России на самоотверженную борьбу с врагом.

В ответ на первые известия о петербургских кровавых событиях 9 января 1905 года в Риге под руководством большевиков началась всеобщая политическая забастовка. 13 января произошла внушительная демонстрация у железнодорожного моста, во время которой было убито около 80 человек, а раненых насчитывалось до 200. В годы первой русской революции латвийский пролетариат, по оценке В. И. Ленина, занимал одно из первых мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя: «Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»¹⁶. Латышские большевики, несмотря на отдельные промахи, стали одним из передовых отрядов российской социал-демократии.

Ленинская политика партии, основанная на принципах пролетарского интернационализма, способствовала сближению трудящихся всех народов России и установлению между ними тесного союза. В 1906 г. состоялось объединение Латышской социал-демократической рабочей партии с РСДРП. Единство революционной борьбы российского пролетариата, ярко проявившееся в дни буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., еще больше окрепло в тяжелые годы столыпинской реакции, в годы нового революционного подъема и первой мировой войны. Большевистская партия добилась слияния национально-освободительного движения угнетенных национальностей России с борьбой рабочих против буржуазно-помещичьего строя, за установление диктатуры пролетариата.

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., Т. 16, стр. 236.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в жизни народов нашей страны и всего человечества. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Петербурге и Москве дала могучий толчок развитию пролетарской революции на всех окраинах, у всех народов, входивших в состав царской империи. При братской помощи русского народа от гнета помещиков и буржуазии были освобождены все народы России. От социального и национального гнета освободился и латышский народ. В дни Октябрьской революции, а затем на всех фронтах гражданской войны совместно с русскими рабочими и крестьянами сражались латышские стрелковые полки. Сын латышского батрака А. Ф. Фабрициус стяжал себе славу выдающегося полководца гражданской войны. В совместной борьбе против общих врагов крепла историческая дружба латышского пролетариата с русским пролетариатом. Тщетными оказались все попытки латышских буржуазных националистов посеять национальную вражду и подорвать этот боевой союз.

В тесном союзе с русским пролетариатом приступил к строительству новой, социалистической жизни и пролетариат Латвии, Латвийская Советская Социалистическая Республика, образовавшаяся в начале 1919 г., заключила военно-политический союз с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. В тяжелых условиях интервенции и блокады великий русский народ оказывал поддержку и помощь своему брату — народу Латвии.

Латышские буржуазные националисты воспользовались интервенцией германских империалистов, поддерживаемых Антантой, и на время оторвали Латвию от Советской России. На трудящихся Латвии вновь было надето ярмо угнетения и эксплуатации. Промышленность Латвии, насильственно оторванная от хозяйственной жизни Восточной Европы, захирела. Латвия превратилась в аграрно-сырьевой придаток западных империалистических держав. Сопоставление показателей промышленного развития Латвии с момента ее воссоединения с Россией до первой мировой войны с показателями промышленности буржуазной Латвии ярко свидетельствует о важности для экономического развития Латвии включения ее в состав всероссийского рынка. Отрыв Латвии от России противоречил коренным национальным интересам страны, жизненным интересам латышского народа. Свержение господства латвийской буржуазии в 1940 г. было закономерным результатом всего предшествующего экономического и политического развития Латвии. Столь же закономерным результатом исторически сложившейся дружбы латышского народа с великим русским народом и другими народами СССР явилось принятие Советской Латвии в Союз Советских Социалистических Республик.

Латышский народ никогда не забудет уроков своей многовековой истории. Весь исторический опыт латышского народа свидетельствует о великом значении дружбы с русским народом. Под руководством Коммунистической партии народы нашей страны построили социализм и уверенно идут вперед, к полной победе коммунизма.